

**ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА**

ВЛАДИМИР КОЛЫЧЕВ

ДОЧЬ
ЗА ОТЦА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Дочь за отца / Владимир Колычев. — Москва :
Эксмо, 2024. — 288 с. — (Колычев. Лучшая крими-
нальная драма).

ISBN 978-5-04-192726-4

Средь бела дня на глазах у свидетелей похищена дочь прокурора города. А заодно налетчики застрелили крутого братка из конкурирующей группировки. И все это на «земле» капитана милиции Степана Кручи и, как назло, во время его отпуска. Пришлось оперу срочно возвращаться на работу и начинать расследование. Он вычисляет, что за похищением девушки стоит серьезная группировка, а непосредственный исполнитель налета — бандит по кличке Кокон. Тот, понимая, что от разгневанного Кручи еще никто не уходил, решается на отчаянный шаг, грозящий заложнице смертью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В.Г., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-192726-4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Тишина в подъезде завораживала своей хрупкостью, и казалось, что она в любой момент может рассыпаться на мелкие осколки. Толя Кокон знал, как это бывает: или гранату бросят, или какой-нибудь чудак с волыной выскочит из-за угла и начнет шмалять, не успеешь среагировать — ляжешь шпалой. Сегодня у них дело простое, должника одного нужно проведать, поторопить с выплатой, мужик беспонтовый, типичный терпила, проблем с ним возникнуть не должно, но в этой сумасшедшей жизни все возможно.

Катафалк нажал на кнопку звонка, но дверь открылась за спиной. Кокон обернулся и увидел женщину лет сорока, она явно куда-то собиралась, шапка на ней меховая, пальто с пышным воротником, на ногах сапоги, но, увидев незнакомых людей, она в раздумье замерла на пороге. Глянула на Катафалка и подалась назад. Рожа

у него, честно говоря, не только детей, а взрослых можно пугать. Верхняя часть головы у него массивная, а нижняя еще мощней, челюсти выпирают, как будто он боксерские капы во рту держит.

— Здравствуйте! — улыбнулся Кокон, приложив два пальца к нижнему срезу своей шапки, вроде как честь отдал.

Зато с ним все в порядке, обаяние зашкаливает: и улыбка у него приятная, и вид не отпугивающий. Но женщина почему-то все равно закрыла дверь, правда, при этом беззвучно щелкнула пальцами перед глазами, дескать, забыла что-то, а Кокон с Катафалком, конечно же, ни при чем.

— А ты слышал, как дверь открылась? — спросил Катафалк.

— Ну слышал, конечно! — удивленно глянул на него Кокон.

Как он не слышал, как открылась дверь? И слышал он все, и видел.

— Да я в смысле, замок щелкал?

— Да нет.

— И не защелкнулся... Попробуй дверь открыть!

— Зачем? — возмущенно спросил Кокон, глядя на дверь, за которой исчезла женщина в меховой шапке.

— Затем!

Но Катафалк собирался открывать другую дверь, ту, перед которой они стояли. Дернул за ручку, и путь в квартиру свободен.

— А-а! — Кокон отдал должное Катафалку.

Но тот глянул на него как на последнего дебила. Еще и презрительно фыркнул.

— Думать надо!

— А дома кто? — спросил Кокон.

— А какая разница?

— Как это какая разница?

Катафалк соображал недолго.

— Записку оставим!

Они вошли в квартиру, Кокон закрыл за собой дверь.

— Порохом пахнет, чуешь? — принюхиваясь, спросил Катафалк.

— Да, есть что-то.

Квартира большая, небедная, тишина в ней мертвая. А на полу в гостиной лежит, раскинув руки, парнишка лет восемнадцати. Во лбу рана, след от струйки крови проходит по виску, по щеке до самого подбородка. На полу возле кресла лежит пистолет Макарова, и не простой, а золотой.

— Ничего себе! — вмиг забыв о покойнике, Катафалк потянулся к пистолету.

— Ты че, дебил? — схватил его за руку Кокон.

— Сам ты дебил! Я в перчатках!

— Мозги у тебя в перчатках. И в валенках!.. Валишь отсюда надо!

— Ну да, надо... — со скрипом согласился Катафалк. — В спальню давай, глянь там, может, прячется кто?

Сам он остался в прихожей, а Кокон зашел в спальню. Покрывало смято, но не снято, подушка на полу валяется. Может, барахтался здесь кто-то.

Похоже, совсем недавно. Кокон не удержался, открыл створки шкафа, нет никого.

Катафалк ждал в прихожей все в той же позе, в которой оставил его Кокон.

— Может, тетку замочить? — спросил Катафалк.

— Тетку? — нахмурился Кокон.

— Она нас видела, ментам сдаст, нам оно нужно?

— Ну, не знаю...

Убивать свидетелей — это все равно что тушить пожар бензином, но иногда без этого никак.

— Дверь она не заперла!

— А если она уже в ментовку позвонила?

— Валим! — встрепенулся Катафалк.

Зима на улице, они оба в перчатках и в головных уборах, ни отпечатков не оставят, ни волос с головы. Одно плохо — талая вода с ног в квартире осталась, но за тряпку Кокон братья не собирался. Не царское это дело.

* * *

Совсем еще пацан, ему бы жить и жить, а он лежит, раскинув руки, кровь на лбу, на щеке, гильза валяется чуть ли не посреди комнаты — Степан Круча заметил ее сразу, едва вошел в комнату. Отец потерпевшего за спиной, ни живой ни мертвый, за сердце держится. Сильно пахнет корвалолом. Гурский Валентин Денисович. Это он звонил в милицию, дежурный собирался выслать наряд, но выехал капитан Круча.

— Вы сказали, что вашего сына застрелили, — сказал Степан, обращаясь к мужчине.

Высокий, статный, располагающей внешности, в хорошем костюме. И квартира производила хорошее впечатление.

— Ну, вы же видите... — Гурский обессиленно повел рукой, стараясь не смотреть на покойника.

— Пистолетную гильзу видели?

Гильза в глаза не бросалась, Степан заметил ее сразу, но у него нюх на эти дела. А убитый горем отец мог и не заметить.

— Гильзу?.. Нет.

— И пистолета нет... Почему вы решили, что вашего сына застрелили?

— Ну так пулевое отверстие во лбу... Что вы меня пытаете? Не видите, еле стою!

— Вот я вам и говорю, Валентин Денисович, не надо нервничать.

— Просто я немного разбираюсь в медицине...

— Пульс щупали, если разбираетесь?

Степан не приближался к труп, не хотел затаптывать возможные следы, но даже с трех-четырех метров рана казалась не очень глубокой. До самой кости, но вряд ли глубже. Хотя кто его знает.

— Да что же это такое!

— Если позволите!

Степан все-таки решился войти в комнату, но только переступил порог, как покойник вздрогнул, распахнул глаза и, увидев его, вскочил на ноги. Верней, попытался вскочить. Парня сильно качнуло, он замахал руками в поисках равно-

весия. Степан подхватил несчастного, усадил в кресло. И занялся его отцом, который одной рукой держался за сердце, а другой схватился за дверь.

Степан взял его за руку, собираясь вести к дивану, но мужчина мотнул головой.

— Виталик, сынок!

— Все хорошо, Валентин Денисович! Все хорошо! Вам нужно лечь!

Степан все же уложил Гурского, расстегнул рубашку на его груди, открыл форточку, сходил на кухню, там на столе уже стояла открытая коробка с лекарствами, нитроглицерин, аспирин.

Виталик уже сидел на диване перед отцом, он держал его за руку, тот улыбался, но на Кручу глянул как на непрошеного гостя, от которого хотелось поскорее избавиться.

Степан дал больному таблетку аспирина и капсулу нитроглицерина, вызвал скорую и дал отбой следственно-оперативной группе. Ожил покойник, убийство отменяется. Покушение на убийство оставалось, но зачем следственно-оперативная группа, если потерпевший сам все расскажет?

Рана на лбу потерпевшего вызывала опасение. Пуля не пробила кость, в голову не вошла, но сила удара могла вызвать внутреннее кровоизлияние, что, возможно, и произошло. Взгляд у парня плыл, он плохо ориентировался в пространстве, движения вялые, неуверенные.

— Виталий, смотри на меня! — потребовал Степан.

Парень смог сфокусироваться на нем, сконцентрировать внимание, даже кивнул, давая понять, что с ним все в порядке.

— Ты меня слышишь?

Виталий кивнул.

— Кто в тебя стрелял?

— Никто!.. Сам выстрелил.

— В себя?

— Да нет, просто... Случайно...

— Может, рикошетом? — предположил Степан.

Только этим он мог объяснить, что пуля не пробила лобную кость.

— Да, наверное... Я ведь не в себя стрелял, я от себя стрелял.

— От себя... И где ты находился в момент выстрела? — поднимая с полу гильзу, спросил Степан.

— Здесь, в этой комнате.

Гильза от ПМ, ничего необычного, кроме того, что это часть боевого патрона. От боевого пистолета. Но где сам пистолет — вот в чем вопрос.

— Возле стенки стоял, у книжного шкафа... А пистолет в стену выстрелил... Тут выбоина в стене... Или мне кажется? — спросил Виталий, болезненно сощутив глаза.

Но смотрел он в стену, в которой действительно имелась свежая выбоинка, оставленная пулей. И во лбу отметина, значит, где-то валяется и сама пуля. Но Степан не торопился ее искать.

— А пистолет где? — спросил он.

— Пистолет?! — глянув на отца, нахмурился парень. — Не знаю...

— А где ты его взял?

— Ну-у... — замялся Виталий.

И Гурский-старший заметно нервничал, отводил взгляд.

— Ваш пистолет? — спросил Степан, обращаясь к нему.

— Откуда у меня пистолет? — голос у мужчины заметно дрогнул.

— Мне плохо, — опускаясь в кресло, обессиленно проговорил парень.

— Вы что, не видите, Виталию плохо? — набросился на Степана Гурский-старший.

— Вижу и скорую вызвал... Откуда у вашего сына пистолет?

— Я не знаю!

— Папа не знает! — закрывая глаза, кивнул Виталий.

— Не надо учинять здесь допрос! — проговорил отец парня, пытаясь изобразить предсмертное состояние.

— Это не допрос, это дознание, будем возбуждать уголовное дело по факту незаконного хранения огнестрельного оружия.

Его интересовал не столько факт хранения, сколько перспектива повторного применения пистолета. Куда-то делся ствол, а значит, еще может натворить бед.

— Вы что, не видите, мальчику плохо! И у меня сердце!.. Думаете, на вас управы нет!

— За мальчиком прячетесь? — презрительно усмехнулся Степан. — Ну-ну!

— Я за мальчиком прячусь?! Ну, знаете!

— Вашему сыну срок за незаконное оружие присудят, а вы на свободе гулять будете, очень хорошо.

— Срок присудят?

— От трех до пяти лет, а вы как думали?

— Ну вы совсем обнаглели, товарищ капитан! Я этого так не оставлю! — угрожающе расправил плечи Гурский.

— Чей пистолет? — в упор глянул на него Степан.

— Ну я не знаю... Может, и мой...

Мужчина открыл шкаф, выдвинул из него ящик, затем вынул его совсем, просунул руку в освободившуюся нишу и мотнул головой.

— Нет ничего... Все-таки нашел? — глянув на сына, спросил он.

— Нашел, — вздохнул Виталий.

— И куда делся пистолет? — спросил Степан, с усмешкой наблюдая за этим шоу.

Ясно же, что пистолет перепрятал его хозяин. Вошел в дом, увидел сына, пистолет, вызвал милицию. Нет чтобы пульс пощупать, схватился за пистолет, чтобы спрятать. Ну не идиот?

— Я не знаю... Что вы на меня так смотрите?

— Где пистолет? — Но Степан и не думал сводить глаз с подозреваемого.

— Да не знаю я!..

В дверь позвонили, Степан открыл, думая, что подъехала скорая, но увидел средних лет миловидную женщину в светлой меховой шапочке.

И женщина его увидела, испугалась, подалась назад, собираясь уходить.

— Капитан милиции Круча! — представился Степан, внимательно глядя на нее.

— Милиции?! — с чувством облегчения выдохнула женщина, но тревога в ее глазах осталась. — А что-то случилось? — спросила она.

— А вы можете что-то сказать?

— Что я могу сказать?

— Кто вы?

— Я? Соседка я... — женщина указала рукой на дверь через лестничную площадку.

— Ирина Петровна! — принужденно обрадовался Гурский.

— Что-то случилось? — глядя на него через плечо Степана, спросила она.

— Да так...

— А то я видела тут каких-то барбосов!

— Кого вы видели? — Степан широко распахнул дверь, предлагая женщине войти.

— Барбосов!

Оказывается, она видела двух подозрительных типов, один бугай с широкоформатной физиономией, другой пониже, не такой широкоплечий, более располагающей внешности, но все равно неприятный.

— У этого, который здоровый, такая вот ряха! — женщина эмоционально поднесла руки к лицу, показывая размер физиономии. — Как у барбоса!

— Когда вы этих барбосов видели?

— В одиннадцать часов сорок семь минут. Я ведь уходить собиралась, увидела их, испугалась, дверь закрыла и на часы глянула.

— Одиннадцать сорок семь... — кивнул Степан.

А звонок на пульт оперативного дежурного поступил в двенадцать часов четырнадцать минут, разница, в общем-то, небольшая.

— И что барбосы? Они заходили в квартиру? — спросил Степан, внимательно глянув на Гурского-старшего, мужчина с жадностью слушал свою соседку.

— Да, зашли... Вот я и подумала... Что у вас все-таки произошло?

— Ничего страшного... И долго эти барбосы находились в квартире?

— Да нет, минут пять... Я еще подумала, может, в милицию позвонить.

— Лучше поздно, чем никогда, — усмехнулся Круча.

— Что, простите?

— Считайте, что вы уже позвонили!

— Просто самый большой барбос так на меня смотрел! — закатила глаза женщина.

— Когда смотрел?

— Ну, когда уходили!.. Я в глазок, а он на меня! И кулак показал!.. Честно признаюсь, мне стало страшно!

— А пистолет у них вы, случайно, не видели?

— Пистолет?! Нет, не видела!

— А одеты как они были?

— Ну как... По-зимнему!

Женщина удивленно смотрела на Степана. А действительно, как могли быть одеты люди в конце февраля месяца, не по-летнему же!